

ЖАН БОДРИЯР
ИЛЛЮЗИЯ КОНЦА, ИЛИ ПРЕКРАЩЕНИЕ СОБЫТИЙ

JEAN BAUDRILLARD
L'ILLUSION DE LA FIN OU LA GREVE DES EVENEMENTS-

Paris: Galilee, 1992. - 173 p.

Существуют различные гипотезы относительно конца истории. В соответствии с одной из них ускорение движения «модерна» во всех планах – техническом, событийном, коммуникационном, в плане ускорения экономических, политических и прочих обменов – привело к тому, что «мы перестали соотноситься со сферой реального и истории» (с.12). Мы «освободились» в такой мере, что вышли за пределы горизонта, в котором «реальное возможно», поскольку еще действует какая-то сила притяжения по отношению к вещам и событиям.

Вторая гипотеза относительно конца истории представляет собой противоположность первой, поскольку связана не с ускорением, а с изменением социальных процессов. В нынешних обществах господствуют массовые процессы. Инерция социального порождается множественностью и насыщенностью социальных обменов, сверхплотностью городов, рынков, информационных сетей. «Инертная материя социального представляет собой холодную звезду, вокруг массы которой замерзает история. События чередуются и исчезают в индифферентности. Массы, нейтрализованные информацией, выработавшие невосприимчивость к ней, нейтрализуют историю и служат своеобразным поглощающим экраном. Они не имеют истории, не имеют чувства, сознания, не имеют желаний» (с.14). История, смысл, прогресс уже не ускоряют движение к освобождению. Масса в своей «молчаливой имманентности» глушит всякую социальную, историческую, временную трансценденцию. История заканчивается не вследствие отсутствия акторов, насилия или событий, а вследствие замедления, индифферентности и оцепенения.

У человечества также был свой «большой взрыв». Определенная критическая масса, определенная концентрация людей и обменов ведет к тому «взрыву», который мы называем историей. Речь идет о «растворении» плотных и «иератических ядер» прежних цивилизаций. «Сегодня это приобретает обратный эффект. Преодоление порога “критической массы” популяций, событий, информации ведет к обратному процессу – инерции истории и политики» (с.16).

Третья гипотеза относительно конца истории связана с преодолением предела, за которым, вследствие все большего информационного совершенствования история перестает существовать как таковая. Мы уже никогда не обретем историю, какой она была до эпохи информации и СМИ. Мы уже не сможем изолировать историю от «модели ее совершенствования», которая в то же время есть «модель ее симуляции, модель вынужденного поглощения гиперреальностью» (с.18). Мы никогда уже не узнаем, какой была социальность до входа в «бесполезное сегодняшнее совершенство», не узнаем, какой была история до входа в «техническое совершенство информации».

То обстоятельство, что мы «выходим из истории» и входим в «симуляцию», является следствием того, что сама история в своей основе представляет собой «грандиозную модель симуляции». Речь идет не о том, что существование истории – это рассказ или интерпретация, которую мы даем истории. О симуляции следует вести

речь с точки зрения времени, в котором разворачивается история, того линейного времени, которое есть одновременно и время конца, и бесконечное отодвигания этого конца. Это время, в котором происходит история, т.е. следование более или менее осмысленных обстоятельств; это время, где причины порождают следствия, но где нет абсолютной необходимости и есть неопределенность относительно будущего. Такое время отличается от времени ритуальных обществ, где всё уже достигнуто в момент порождения бытия и где церемониал восстанавливает совершенство этого изначального события. В противоположность такому «завершенному времени» освобождение «реального» времени истории, продуцирование линейного и дифференцированного времени предстает как чисто искусственный процесс.

В реальном времени истории, в «эвклидовом пространстве истории» наиболее краткий путь от одной точки к другой, от одного события к другому – это прямая линия, «линия прогресса и демократии». Но в наше время, где-то с 80-х годов XX столетия, мы присутствуем при том, что пройден апогей исторического времени, пройдена вершина эволюционной кривой. Начинается «нисходящая событий», разворачивание в обратном направлении. «Любое кажущееся движение истории приближает нас невидимо к своему антиподу, отправной точке. Это конец линейности. В такой перспективе будущее уже не существует. Но если нет будущего, то нет и конца. Это не конец истории. Мы имеем дело с парадоксальным процессом обращения вспять, с реверсивным эффектом «модерна», который, достигнув своего предела и обобщив все свои достижения, распадается на свои простые элементы» (с.24).

Фактически автор разделяет воззрения, воплощенные в выделенных им «гипотезах» относительно «конца истории». Дальнейшее изложение представляет собой разворачивание того или иного момента этих воззрений.

В настоящее время утрачена «слава события». В течение столетий история разворачивалась под знаком «славы», иллюзии значимости событий, наследуемой от предков и влияющей на грядущее. История сузилась до «вероятной сферы» причин и следствий, до сферы «актуальности». Смысл событий стал ожидаемым смыслом, события программируются. Бодриар называет это «остановкой событий». «Речь идет о подлинном конце истории, конце исторического Разума» (с.40).

Но дело не обстоит таким образом, что мы покончили с историей. Требуется «питать конец истории». Мы как бы продолжаем производить историю, нагромождая «знаки» социальности, политики, знаки прогресса и изменения, а в действительности мы лишь питаем ее конец в том смысле, что немного отодвигаем его.

Стремление вперед подменяется обращением к прошлому, бесконечной ревизией всех значимых исторических явлений, которая зачастую принимает форму оправдания исторических преступлений, «переосмысления» всего и вся.

Вместе с тем обращение в прошлое, бесконечная ретроспектива всего, что предшествовало нам, ставит проблему «отбросов». Что делать с остатками угасших идеологий, революционных утопий, мертвых концепций, продолжающих засорять наше «ментальное пространство»? По существу, вся история представляет собой «живые отбросы». «Экологический императив» требует, чтобы «отбросы» были вновь пущены в дело, подвергнуты вторичной переработке. Мы стоим перед дилеммой: либо «останки» и «отбросы» истории погребут нас, либо мы используем их в какой-то «причудливой истории», которую мы в действительности создаем сегодня.

У истории не будет конца, поскольку все «остатки истории» – церкви, демократия, коммунизм, этносы, конфликты, идеологии и т.п. – могут использоваться вновь и вновь. Ведь все, что считалось преодоленным историей, в действительности не исчезло, все архаичные и анахроничные формы сохранились, готовые выйти на

поверхность. «История вырывается из циклического времени лишь для того, чтобы перейти в порядок вторичной переработки» (с.47).

Эта вторичная переработка форм прошлого, их превознесение, усиленное внимание к явлениям прошлого, реабилитация прошлого через его имитацию, – все это признаки постмодерна. В ряду этих явлений особое место занимает раскаяние перед прошлым, реализующееся в самых различных сферах социальной и культурной жизни.

Свои воззрения на проблему конца истории автор пространно иллюстрирует примерами событий и идеологических процессов, связанных с концом коммунистической эпохи в странах Восточной Европы и СССР. Еще одной – причем весьма впечатляющей с точки зрения роли современных информационных технологий и возможностей – иллюстрацией становится рассмотрение «Войны в заливе».

В заключительной части книги автор отмечает трудности всякого рассуждения о конце, особенно о конце истории. Ведь приходится одновременно говорить и о том, что «по ту сторону конца», и о невозможности того, что конец действительно наступит.

Конец постижим лишь в терминах логического порядка причин и следствий, преемственности. «А сами события в силу того, что их производят искусственным образом, их конец запрограммирован, а следствия предвидимы, аннулируют отношения между причиной и следствием и тем самым аннулируют всякую историческую преемственность» (с.155).

Саму историю следует рассматривать как хаотическое образование, где ускорение кладет конец линейности (событий). Следствия приобретают определенную автономию, делающую возможным обратное воздействие на причины. Нужно говорить также об обратном воздействии информации на реальность. Подобная обратимость означает нарушение порядка, или хаотический порядок.

Вообще создается впечатление, что мы по ту сторону истории, «входим в чистую фикцию, открываем иллюзию мира. Иллюзия нашей истории раскрывает взгляд на гораздо более радикальную иллюзию мира» (с.170).

Ю.А. Кимелев